

ДЕТЕРМИНАНТЫ СЛОЖНЫХ (СОСТАВНЫХ) НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В предлагаемой работе автор рассматривает систему детерминантов (есть определитель класса объекта номинации) сложных фитонимов (названий растений) в финно-пермских языках. Детерминанты делятся на две группы: народные таксоны растительного мира, например, дерево, трава, мох, и названия частей растений, например, лист, цветок, корень.

По своему происхождению детерминанты финно-пермских фитонимов делятся на исконные (их большинство) и заимствованные как в отдельные современные языки, так и в древние языковые общности.

Ключевые слова: финно-угорские языки, фитонимия, фитоним, детерминант.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению детерминантов сложных (составных) фитонимов в финно-пермских языках (одной из двух ветвей финно-угорских языков). Детерминант, применительно к структурно-семантическому исследованию лексики, есть определитель класса объекта номинации. Ниже термин *детерминант* употребляется здесь исключительно в указанном значении; в русском языкознании термин традиционно имеет и другое значение (свободная словоформа, обычно находящаяся в начале предложения и являющаяся распространителем его в целом). Изучение детерминанта как определителя класса объекта номинации, его роли в составе словосочетаний, сложных (составных) слов, к сожалению, до сих пор не получило должного развития.

Финно-пермские сложные (либо составные) названия растений, как правило, представляют собой словосочетания с подчинительной связью (сочинительная связь в фитонимах — большая редкость). В соответствии с принятой орфографией того или иного языка, либо

традицией фиксации, если речь идет о бесписьменном языке (наречии, диалекте), такие фитонимы пишутся слитно либо раздельно. В их составе выделяется *детерминант*, являющийся определяемым компонентом и закономерно занимающий последнюю позицию (вслед за определениями). Детерминанты характерны не только для фитонимии и появляются в составе сложных наименований (наименований-словосочетаний) тогда, когда требуется наличие логической классификации, то есть в том случае, когда присутствует целый ряд предметов, обладающих каким-либо одним объединяющим выраженным признаком (например, дерево, трава, гриб, птица, рыба, мастер). Детерминант может представлять собой и название отдельного растения. В этом случае он может рассматриваться и как собственно детерминант, и как носитель признака похожести номинируемого растения на растение, обозначаемое детерминантом.

Классификационная роль детерминанта, собственно, только сказанным выше и отличается от такой же роли иных определяемых компонентов названий растений. Во многих случаях сложные фитонимы различаются только детерминантами, относясь к деревьям, травам, кустарникам, имеющим одинаковые или схожие признаки.

В финно-угорских языках детерминант, как определяемый компонент, закономерно занимает последнее место среди компонентов фитонима. Существенным также является вопрос о представлении сложного (составного) названия растения, содержащего детерминант. В существующих работах по финно-пермским языкам, включая словарные, один и тот же фитоним может быть представлен в традиционном написании либо транскрипции как в слитном, так и раздельном написании. Особенно часто такое явление наблюдается в работах по пермским и волжским финским языкам.

Как правило, детерминант представляет собой простое по форме слово, имеющее значение, существенное для процесса классификации. Однако детерминант может и сам быть сложным по форме — в таком случае трактовка его последней определяемой части как детерминанта всего фитонима в целом непродуктивна; например, *эст.* koera|pööri|rohi ‘белена черная’ можно было бы буквально перевести как ‘трава верчения собаки’, однако именно pööri|rohi (а не rohi) в этом фитониме представляет собой детерминант со

значением ‘белена’.

Во многих случаях в одном языке имеется два или более синонимичных детерминанта. Кроме того, некоторые детерминанты имеют другие значения — более узкие или более широкие; примеры — *венс.* *bol* ‘ягода’ и ‘брусника’, *фин.* *nurmi* ‘луг, покос’ и ‘трава (обычно луговая)’.

Многие детерминанты могут иметь форму множественного числа, например, *фин.* *heinä* — *heinät*, *эст.* *lill* — *lillid*, *lilli*’.

В работе в меньшей степени рассматриваются саамские данные. Это вызвано наличием у саамской фитонимии особенностей, диктуемых особыми природно-климатическими условиями саамского ареала, не характерными для мест проживания иных финно-пермских народов.

Количество значений детерминантов фитонимов, не являющихся самостоятельными названиями растений, ограничено. Эти значения таковы:

А. Народные таксоны растительного мира

Неподготовленный человек интуитивно классифицирует растения, определяя их в крупные группы по внешнему виду (дерево, куст, трава и т. п.), почти всегда верно. Это связано с тем, что признаки, по которым он относит растение к тому или иному таксону, обычно ярко выражены. Ошибки касаются тех сложных случаев, когда для определения таксона почему-либо требуются определенные специальные знания; в качестве примеров приведем неразличение мхов и лишайников, а также некоторых водорослей с цветковыми растениями, живущими в воде.

1) растение вообще (не применяется к деревьям)

эст. *taim*, *tain*

Слово имеет общеприбалтийско-финское происхождение, так как соответствия имеются почти во всех языках ветви; они имеют сходное, но более узкое значение ‘всходы’ (например, *фин.* *taimi*, *taimen*, *венс.* *taimned* ‘всходы’), которое, по-видимому, является первичным. Поиски соответствий в родственных языках не дал до сих пор удовлетворительных результатов. Предполагают (см. *SSAP*

III: 256) заимствование из балтийских языков, однако оно крайне сомнительно по фонетическим соображениям.

Детерминант в своей функции присутствует лишь в эстонском языке.

Примеры использования: *эст.* sinise||villi||taim ‘вороний глаз’, veel||taim ‘лапчатка гусиная’.

2) дерево

Общераспространенный детерминант; практически все слова со значением ‘дерево вообще’ могут выступать в качестве детерминанта. За исключением мордовских и саамских слов, происхождение которых неясно, они имеют древнее (уральское) происхождение. Это также зачастую опциональный детерминант, и иногда — скрытый, трансформировавшийся со временем в часть простого слова (например, *мар.* лупы, lölrö, нёлпöö ‘ольха’, ломбо ‘черемуха’ (*мар.* Г lombâ), *удм.* тыпы ‘дуб’). Большинство названий деревьев может использоваться и без него, ср. *вод.* koivu — koivu||puu ‘береза’.

В прибалтийско-финских языках детерминант со значением дерева (puu) иногда относится и к ветвистым травянистым растениям, также к растениям, имеющим толстые стебли, например, *фин.* ojakais||puu ‘черная смородина’.

фин. puu, *кар. собств.* puu, puw, *кар. люд.* рӯ, *ижор.* рӯ, *вепс.* пу, *эст.* puu, *вод.* пуу, *лив.* пуу, *эрз.* чувто, *мокиш.* шуфта, *мар.* пушенге (и Г. пушӑнгӗй, ср. *мар.* пу ‘дрова’, ‘дерево как материал’; никогда не используется в качестве детерминанта), *коми пу*, *удм.* пу. За пределами финно-пермских языков соответствия следующие: *манс.* -рӱ, -ре (в сложных словах), *венг.* fa, *нен.* р’ӱ ‘дерево’, ‘древесина’, *эн.* fe, fää, räa ‘дерево’, *сельк.* рӱ, *камас.* ра ‘дерево’, ‘лес’, *койб.* ра ‘дерево’, *матор.* cha ‘лес’, *уральск.* *puwe.

Примеры использования: *фин.* taikina||puu ‘костяника’, ‘крушина’; *кар. твер.* virba||puu ‘верба’; *вепс.* jablok||pu ‘яблоня’; *эст.* kase||puu ‘береза’; *вод.* koivu||puu ‘береза’; *лив.* gu’obõ||puu ‘вяз’; *эрз.* бояронь чувто ‘бузина’; *мокиш.* баяравань шуфта ‘бузина’; *удм.* бадь||пу ‘ива’; *коми зыр.* зына||пу ‘бузина’; *коми перм.* дуб||пу ‘ольха’.

В отношении мордовских слов: достоверных соответствий нет. В связи с наличием целого ряда соответствий эрзянского прибалтийско-финскому **p** (например, *фин.* **pehmeä** ‘мягкий’ — *эрз.* чехнямс ‘смягчать’, *фин.* **päivä** ‘день’, *кар.* **päivä** ‘солнце’, *венс.* **päi** ‘светло’ — *эрз.* **чи** ‘день; солнце’, *фин.* **piiri** ‘круг; край’ — *эрз.* **чире** ‘край’ и т. п.) возможно родство с другими указанными здесь детерминантами со значением ‘дерево’.

Происхождение *саам.* (здесь — *Кильд.*) **mūrg** ‘дерево’ неизвестно. Это слово относится к той обособленной части основной лексики саамского языка, которой до сих пор не найдено соответствий.

3) куст

Детерминанты, имеющие значение ‘куст’, столь же факультативны, как и имеющие значение ‘дерево’.

фин. **pensas**, *венс.* **penzaz**, *эст.* **põõsas**, *вод.* **põõzaz**; не используются в качестве детерминанта: *кар.* *собств.*, *ливв.* **pensas**, *кар. люд.* **pendzahain’e**, *лив.* **põõzõz**

В отношении этого детерминанта бесспорным является его прибалтийско-финское происхождение. Соответствий в других родственных языках, а также источников возможного заимствования не выявлено. *Саам.* **beas’si** ‘береста’ считают прибалтийско-финским заимствованием (< **pensas**), но оно в равной степени может быть и русизмом; *ЭВ*, напротив, сравнивает кольско-саамское **pēss̄** ‘береста’ с *эрз.* **пикше** ‘липа’, что также возможно. Однако, авторы словаря в качестве соответствия приводят еще *эст.* **pähn** ‘липа’ (явно вторичное по отношению к **pärn** ‘то же’) и далее выводят «волжско-финскую» форму ***päksnä**, которая вызывает недоумение.

Примеры использования: *фин.* **pähkinä**||**pensas** ‘орешник’; *венс.* **haju**||**penzaz** ‘черная смородина’; *эст.* **sõstra**||**põõsas** ‘смородина’; *вод.* **bragat(t)si**||**põõzaz** ‘крушина ольховидная’

фин. **puska**

Кар. **puška** (< *фин.* **puska**: *SKES III*: 659) не выступает в качестве детерминанта.

Слово имеет шведское происхождение, ср. *шв.* **buske** ‘куст’.

Пример использования: **taikinais**||**puska** ‘смородина альпийская’.

фин. **pehko**, *кар.* **pehko**, *ижор.* **pehko**, *вод.* **pehko**, **põhko**

Детерминант распространен в части прибалтийско-финских языков и связан с глаголами, имеющими значение ‘гнить’ (напр., *кар. собств. pehkouduo*). В собственно-карельском наречии находим *pehko||puu* ‘гнилое дерево’; в этом наречии *pehko* имеет также значение ‘сухостойная береза’. Мы предполагаем, что первоначальными значениями *pehko* были ‘гнилое дерево, древесина’ и ‘мало-пригодное, непригодное дерево’; последнее и было перенесено на кустарник как малопригодное — в отличие от дерева — растение.

Примеры использования: *фин. musta||herukka||pehko* ‘смородина черная’; *кар. rajū||pehko* ‘ива’; *ижор. pähkä||pehko* ‘орешник’; *вод. kauniz pehko* ‘красная смородина’.

эст. puhm

По-видимому, это дескриптивное слово, однако возможна его связь с предыдущим гнездом.

Пример использования: *kitse||puhm* ‘крушина’.

кар. tuhjo.

Возможна этимологическая связь с марийскими детерминантами.

Пример использования: *кар. твер. or'jeha||tuhjo* ‘орешник’.

морд. нетькс (ńeńks)

Примеры использования: *эрз. кендял нетькс* ‘крушина’; *мокиш. чивге||нетькс* ‘калина’.

мар. teškä, tüşka (тüşка)

См. *эрз. тикше, мокиш. тیشه* ‘трава’. В марийском языке *тüşка* слово имеет множество значений, из которых ‘куст’ кажется неосновным, вторичным (также ‘группа’, ‘толпа’, ‘скопление’, ‘масса’, ‘куча, груда’, ‘стадо, стая, табун, косяк’ и др.).

Пример использования: *лў мегож тüşка* ‘вереск’ (‘куст вереска’).

мар. вондо (vondo), Г. ванды

Удовлетворительной этимологии для данного слова не было представлено.

Пример использования: *шуан||вондо (Г. шуан||ванды)* ‘шиповник’.

В пермских языках слова со значением ‘куст’ (*удм. байд, коми бадь*) практически не становятся детерминантами фитонимов.

В диалектах коми языка слово **бадь** имеет, кроме основного значения ‘ива’, расширенное значение ‘кустарник вообще’.

4) трава

фин. heinä, *кар.* heinä, hein’ä, *ижор.* heinä, *вепс.* hein, *эст.* hein, hain, ein, ain, *вод.* heinä, einä, ein, *лив.* **āina**

Примеры использования: *фин.* silkki||heinä ‘луговик дернистый, щучка’; *кар. собств.* ruskee||heinä ‘росянка’, *кар. ливв.* keldu||heiny ‘кульбаба осенняя’, ‘лютик’, ‘одуванчик’; *ижор.* leikkivo||heinä ‘неидентифицированное растение’; *вепс.* ludęg||hein ‘багульник’; *эст.* järve||hain ‘рдест пронзеннолистный’; *вод.* luhta||einä ‘осока’; *лив.* kaštuug||aaina ‘вейник’.

фин. guoho, *кар.* guoho, *ижор.* roho (rōho), *эст.* rohi, *вод.* roho, rohi

Примеры использования: *фин.* kelda||guoho ‘лютик жгучий’, ‘чистотел большой’; *кар. собств.* vesi||guoho ‘звездчатка средняя’; *ижор.* koi||roho ‘полынь’; *эст.* maa||rohi ‘ястребинка волосистая’; *вод.* luhta||roho ‘осока’.

Это наиболее активно используемые детерминанты сложных фитонимов в указанных языках, что неудивительно, так как травянистые растения в природе преобладают. Оба слова, по существующим представлениям, заимствованы. Первый из них имеет балтийское происхождение (ср. *лит.* šienas ‘трава’), второй германское (ср. *др.-герм.* *grōzō).

эст. tarn

Ср. *фин.* taarna ‘осока’

Эстонское слово также имеет более узкое значение ‘осока’, однако в качестве детерминанта оно могут обозначать траву, растущую на низменных лугах.

Пример использования: *эст.* sea||tarn ‘сеслерия голубая’.

коми турун ‘трава’, *удм. турым, турын* (также детерминант) сравнивают с данными выше прибалтийско-финскими словами. Однако связать их этимологически затруднительно в отсутствие каких-либо данных из других языков. *SKES*, *SSAP*, *КЭСКЯ* считают как прибалтийско-финские, так и пермские слова древними индоевропейскими заимствованиями, ср. *санскр.* तृणा. Современные представления не позволяют признать финские и эстонские слова

«древними индоевропейскими заимствованиями». Источник заимствования для прибалтийско-финских языков, скорее всего — германские или балтийские языки, например, *гот.* *ḥairnūs* или *прус.* *doḡn* ‘колочка’.

Примеры использования пермских детерминантов: *удм.* *арама турын* ‘валериана’; *коми зыр.* *егер турун* ‘вахта трехлистная’; *коми перм.* *туй||дор||турун* ‘подорожник’.

фин. *yrtti*, *кар. собств.* *yrtti* ‘трава; злак’.

Этот детерминант встречается нечасто и заимствован из шведского языка (поздний *ст.-шв.* *yrt*, также *норв.* *ört* ‘трава; лекарственная трава’); *SSAP* указывает для финского слова значения ‘приправа’, ‘лекарственная трава’ (*III*: 492). Однако в роли детерминанта это слово выступает в составе названий растений, не являющихся ни пищевкусовыми, ни лекарственными (многоножка), а, скорее, даже ядовитыми (вех ядовитый).

Примеры использования: *фин.* *suola||yrtti* ‘солерос’; *кар. собств.* *ves’||yrtti* ‘вех ядовитый’.

эрз. *тикше*, *мокш.* *тише*

По-видимому, родственно *мар.* *teškä, tüška* ‘куст’, *приб.-фин.* **tāhkä* ‘колос’ (< **tšškä*-), в эрзянском языке произошла метатеза. Предлагаемые пермские соответствия, на наш взгляд, сомнительны (см. *КЭСЯ*: 282–283 и др.). Сопоставление с марийским словом, на наш взгляд, встречает семантические трудности (см. выше).

Примеры использования: *эрз.* *чапамо тикше* ‘ярутка полевая’; *мокш.* *лофца тیشه* ‘молочай’, ‘одуванчик’.

эрз. нар, *ср. мокш. нар* ‘горец птичий’ и др.; в отношении этимологии этих слов — *ср. мар.* *нур* ‘поле’, ‘поляна’.

Примеры использования: *эрз.* *галань нар* ‘горец птичий’; *мокш.* *куз||нар* ‘горец птичий’.

мар. *шудо* (*Г.* *шуды*)

Этимология этого детерминанта неизвестна.

Примеры использования: *йшвуй||шудо* ‘чистяк весенний’, *Г.* *тыманалыпй||шуды* ‘белена черная’.

5) *мох*

фин. *sammal*, *кар.* *sammal*, *ижор.* *sammal, sammel*, *венс.* *samal*, *эст.* *sammal, sammel*, *вод.* *sammōl*, *лив.* *soomal, šoomal*

SKES, SSAP, EKET и другие работы не предлагают какой-либо этимологии этого общеприбалтийско-финского слова. Однако при ее рассмотрении невозможно игнорировать наличие *лит. samanios* ‘мох’. По-видимому, источником *приб.-фин. *sam(m)a-* было балтийское слово.

Примеры использования: *фин. valkia sammal, valko||sammal* ‘кладония’, ‘кукушкин лен’, ‘сфагнум’; *ижор. valkea||sammal* ‘лишайник’; *кар. собств. suo||sammal, šuo||šammal* ‘сфагнум’; *венс. kon'd'jan||samal* ‘кукушкин лен’; *эст. põld||sammal* ‘очиток едкий’; *вод. karù||sammeļ* ‘кукушкин лен’; *лив. okkš||šoomal* ‘кукушкин лен’.

эрз. нупонь, мокш. нупонь

Этимология неизвестна. *SKES* (том II, с. 314) сопоставляет это слово с *фин. luppa, luppo, luppi, кар. luppo* ‘лишай, лишайник’, что мы не можем принять по фонетическим причинам.

Примеры использования: *эрз. ашо нупонь* ‘ягель’; *мокш. ведь||нупонь* ‘разновидность водоросли, растущей в болотах и заводях, хорошо прикрепляющаяся к грунту’.

удм. жуй

В отношении этимологии ср. *коми роЙ* ‘древесный мох’, ‘лишайник’ (*КЭСКЯ*: 242), таким образом, слово имеет общепермское происхождение.

Примеры использования: *керы жуй* ‘кукушкин лен’, *писпу||жуй* ‘лишайник’.

коми нитш

К этому слову *КЭСКЯ* (с. 193) приводит самодийские (*нен., эн. n'ada* ‘мох’) и, под вопросом, мансийское (*нюси* ‘лишайник’) соответствия.

Примеры использования: *коми зыр. көк||нитш* ‘кукушкин лен’; *коми перм. көр нитш* ‘кладония’.

б) водоросль (водоросли)

Детерминанты с таким значением очень редки. Появляются они обычно в языках народов, живущих на берегах морей, где наличие/отсутствие водорослей может иметь особое значение для рыболовства. В других случаях водоросли обычно не отличаются друг от

друга людьми. Морские водоросли могут также быть объектом заготовки на корм для скота и для иных целей.

ижор. natta

В *IS* на стр. 336.

Пример использования: *härgin||natta* ‘вид водоросли’.

В. Детерминанты — названия частей растения

Если особо заметной или существенной для человека является какая-либо часть растения, то использование названия этой части в качестве детерминанта является преимущественным.

7) стебель

Слова со значением ‘стебель’ в качестве детерминантов очень редки. В финском языке слово *varsi* входит в состав названий ягодных кустарничков (например, *joulukanvarsi*, *kivenmarjavarzia*, *orjamarjanvarsi*, *puolukanvarsi*), где в качестве определяющего компонента выступает обычное название ягоды.

фин. varsi

Редкий детерминант. Слово является общеприбалтийско-финским и имеется во всех языках ветви (например, *вепс. varz’*, *эст. vars*). ‘Стебель растения’ — одно из его значений (и не первичное). В качестве детерминанта слово используется только в финском языке; кроме прибалтийско-финских соответствий, этимологические работы приводят родственное марийское слово (см., например, *EES*: 593).

Пример использования: *keltataudin varsi* ‘чистотел большой’.

От этой основы образованы названия щавеля в эстонском (*varsikad*) и вепсском (*varziŋg*) языках.

8) дудчатый стебель

В противоположность детерминантам со значением ‘стебель’, имеет широкое распространение. Это вызвано необходимостью особого выделения важного свойства стебля — его полости.

фин. putki, *кар. putki*, *butki*, *but’ki*, *вепс. but’k* (*put’k*), *эст. putk*, (*юж.-эст.*) *pütsk*, *вод. putki*, *putkō*, *лив. pu(t)t’k*, *puṭkōz*, *эрз., мокш. почка*, *мар. пуч, вуч*

Ср. также *саам.* *boska, boská* ‘купырь лесной’. Предлагаемые в этимологических словарях (*SKES, EES*) самодийские данные сомнительны в силу отсутствия каких-либо пермских и угорских соответствий. Второй компонент в *коми зыр.* *зына||пучка* ‘дурман’, по-видимому, имеет русское происхождение, ср. *рус.* *собачья пучка* ‘купырь’; слово *пучка*, в свою очередь, имеет финно-угорское происхождение (например, см. *ЭСРЯ III:415* — Фасмер приводит прибалтийско-финские *фин.* *putki* и *эст.* *putk*, однако, мордовское происхождение *пучка* кажется нам предпочтительным).

Примеры использования: *фин.* *luhta putket* ‘дудник’; *кар. собств.* *kondien||but’ki* ‘дягиль’; *ижор.* *kar va||putki* ‘дягиль’; *венс.* *koiran||but’k* ‘купырь’; *эст.* *jõe||putk* ‘поручейник широколистный’; *вод.* *kõlta||putki* ‘борщевик’; *лив.* *jān’||put’kõz* ‘ятрышник пятнистый’; *мокш.* *вирень почка* ‘борщевик сибирский’; *эрз.* *тракс почка* ‘снуть’; *мар.* *тали||вуч* ‘пастернак’.

удм. *гумы, коми гум*

Детерминант имеет общепермское происхождение. Соответствия в родственных языках неизвестны.

Примеры использования: *удм.* *курыт гумы* ‘свербига восточная’; *коми зыр.* *шома гум* ‘шавель’; *коми перм.* *тури||гум* ‘дягиль’.

Кроме этих, распространенных в языковой группе, детерминантов, существуют и такие «полудетерминанты», как *эст.* *pill, vile*, значение которых ‘дудка, свирель’; при этом значение ‘дудчатый стебель’ отсутствует. Но при этом они входят в состав сложных названий дудчатых растений, например, *põld||pill* ‘борщевик сибирский’, букв. ‘полевая дудка’, *mets||vile* ‘дудник лесной’, букв. ‘лесная дудка’.

9) ягода

Распространенный детерминант.

фин. *marja*, *кар. собств.* *marja*, *кар. ливв.* *marju*, *кар. люд.* *m(u)ard’*, *ижор.* *marja*, *венс.* *marj, mard’, mar’g’*, *эст.* *magi*, *вод.* *marja*, *лив.* *moog’a*, *саам.* *Норв.* *muog’je*, *саам.* *Кильд.* *мўррьй* (*саам.* < *приб.-фин.*), *морд.* *марь* ‘яблоко, ягода’, также *эрз.* *умарь* (по-видимому, *марь* также в составе *мокш.* *марлю* ‘ябло-ня’), *мар.* *мõр* (в более узком значении — ‘брусника’, ‘земляника’),

коми -||моль, удм. -||мульы. За пределами финно-пермских языков предлагается соответствие манс. moãri, moɾip: pul-moãri, moɾip pil ‘гроздь ягод’. Мы полагаем, что оно сомнительно, прежде всего, в семантическом отношении.

Часто за этим детерминантом стоит дополнительный, указывающий на характер растения (например, фин. -||marja||pensas, -||marja||puu). Это вызвано тем, что фитонимы с детерминантом ‘ягода’ могут иногда обозначать отдельные плоды; второй детерминант вводится для уточнения отнесения фитонима к целому растению.

Примеры использования: фин. kivi||marja ‘толокнянка’; кар. ливв. kangas||marja, kangaz||marju, kangaz||muarju ‘брусника’, ‘толокнянка’; венс. kägen||mar’jad ‘волчье лыко’; эст. põld||mari, põld||marjad ‘донник белый’, ‘ежевика’, ‘земляника зеленая’, ‘куманика’, ‘паслен черный’; вод. tedrè||marjəD ‘водяника’; лив. kanaa||moog’a ‘водяника’; эрз. чей умарь ‘клюква’, ‘ежеголовник ветвистый’; мокш. мода||марь (MW: modamar ~ modmar, modmar) ‘картофель’; мар. пиры||мөр ‘волчье лыко’; удм. нюр||мульы(||пу) ‘клюква’; коми перм. нюр||моль (нюр||мӧль) ‘клюква’.

коми вотыс

Это суффиксальное производное от вотны ‘брат’.

Пример использования: коми зыр. кӧин вотыс ‘волчье лыко’.

коми тусь

Основное значение ‘зерно’, ср. также мар. туш, удм. тысь ‘зерно’. Слово представляет собой тюркское заимствование, ср. др.-тюрк. tüş ‘плод’, ‘фрукт’.

Пример использования: коми зыр. маръя||тусь ‘княженика’

10) цветок

Детерминанты с этим значением также относятся к наиболее распространенным. Слова, имеющие значение ‘цветок’, могут становиться детерминантами названий не только растений с одиночными цветками, но и растений с большими соцветиями различной формы, например, подмаренника (пример названия — фин. mehiläis||kukka, букв. ‘пчелиный цветок’).

эст. kann

Эстонский детерминант, образованный диминутивным суффиксом — **kannik(e)** — может иметь значения ‘цветочек’ и ‘фиалка’. Недиминутивная форма **kann** имеет значение ‘цветок’. В эстонской фитонимии этот детерминант получил широкое распространение наряду с **lill** и **õis**.

EES (с. 128) предполагает происхождение слова из детской речи, где **kann** происходит от **kaunis** ‘красивый’.

Пример использования: **kuld||kann, kuld||kannike** ‘солнцецвет монетолистный’, ‘первоцвет весенний’.

фин. **kukka**, *кар.* **kukka, kukkan’е**, *ижор.* **kukka**, *эст.* **kukk, kuku, kukkane, вод. **kukk, kukka, kukkõ, kukaz****

Сколько-нибудь убедительная этимология для этого общеприбалтийско-финского слова отсутствует; обычно сравнивают с *фин.* **kukku, kukkula** ‘холм’, ‘нечто выступающее над поверхностью’ (имеются соответствия в др. близкородственных языках). Однако, предлагаемое семантическое развитие сомнительно, кроме того, нет соответствий за пределами звуковой ветви.

Мы предполагаем, что это слово имеет балтийское происхождение, ср. *лит.* **kunkulas** ‘пузырь’ (латышское соответствие **kunkulis**)¹. В прибалтийско-финских языках ряд цветковых растений называется ‘пузырями’, ‘пузырьками’ (кубышка, кувшинка, купальница), или слова с этими значениями становятся детерминантами фитонимов, например, *вепс.* **vezi||bul’uine** ‘кувшинка’, ‘кубышка’.

При заимствовании слова в прибалтийско-финскую общность его финальная часть была воспринята как суффикс, а на стыке слогов произошла ассимиляция **kunku-** > **kukku-**. Возможность семантического развития прежнего значения слова ‘пузырь’ в двух направлениях: ‘цветок’ и ‘нечто выступающее’, ‘холм’ — не вызывает трудностей.

В вепсском языке соответствия нет; детерминант со значением ‘цветок’ в нем не зафиксирован.

¹*Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. I — II. Berlin, 1962, 1965. S. 311 (нумерация страниц сквозная).

Примеры использования: *фин.* *hepo*||*kukka* ‘кипрей’; *кар. собств.* *kelda*||*kukka* ‘лютик’, ‘кульбаба осенняя’; *ижор.* *sitta*||*kukka* ‘кипрей’; *эст.* *kulles*||*kukk* ‘купальница’; *вод.* *sini*||*kukka* ‘вероника’.

эст. *lill*, *вод.* *l'el'o*

В *EKET*, *SKES* слово трактуется как дескриптивное. Еще одно, по-видимому, первичное, значение его — ‘игрушка’. Сходные слова со значениями ‘игрушка’, ‘кукла’, ‘младенец’ имеются в славянских и балтийских языках и являются результатом редупликации, характерной для детской речи, например, *лит.* *lėlė*, *латышск.* *leile*, *польск.* *lala*, *рус.* *ляля*, *лѐля*².

Примеры использования: *эст.* *võõrasema*||*lill* ‘фиалка трехцветная’; *вод.* *jovana*||*l'el'o* ‘фиалка трехцветная’.

лив. *pus(s)*k

Это слово, по-видимому, можно сравнить с *фин.* *puska* ‘куст’.

Пример использования: *jej*||*pusk* ‘подснежник’.

вод. *svetka* < *рус.* *цветок* (род. *падеж* *цветка*)

Примеры использования: *aloi*||*svetka* ‘алоэ’, *kõlta*||*svetka* ‘одуванчик’.

эст. *õis*, *õis*

Наряду с *lill*, это наиболее распространенный детерминант со значением ‘цветок’ в эстонском языке. Предполагается балтийское происхождение слова (см. *EES*: 625), которое сравнивается с *лит.* *žiedas*, *латышск.* *zieds* ‘цветок’.

Примеры использования: *nõmme*||*õis*, *nõmme*||*õied* ‘марьянник дубравный’, ‘марьянник луговой’, ‘тимьян ползучий’; *sini*||*õis*, *sinised õied*, *sinised õied* ‘василек’, ‘печеночница (перелеска)’.

эрз. *тветка* < *рус.* *цветок* (род. *падеж* *цветка*)

Примеры использования: *лазорево́й тветка* ‘мальва’, *розо́ тветка* ‘василек’, ‘живоко́сть полева́я’.

эрз. *цеця*, *цецька*, *цеця́ка*, *мо́кш.* *цеця*, *śăśă*, *мар.* *чача*, *коми* *чача*, *чачей*, *чачо́*, *удм.* *сяська*

²*Мызников С. А.* Обратные финно-угорские заимствования в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 12. СПб., СПбГУ, 2012. С. 172–173.

В *КЭСКИЯ коми чача* (др. значения ‘игрушка’, ‘безделушка’, ‘штучка’) сравнивается с *удм. чача* ‘цветок’, ‘игрушка’, *мар. чача* ‘цветок’, ‘игрушка’, *венг. csecse, csècs* ‘игрушка’, и, таким образом, ему присваивается общефинно-угорское происхождение.

Как мы полагаем, это неверно. **Чача** в марийском и пермских языках, *венг. csecse* — это прямое заимствование из тюркских языков, ср. *чув. čäčäk, čäčä, тат. čäčäk, тур. çiçek* ‘цветок’. Мордовское слова, а также *удм. сяська*, имеют русское происхождение (ср. *рус. цаца, цацка* ‘игрушка’). Отметим, что *удм. чача* никогда не выступает в качестве детерминанта сложных фитонимов, в этом качестве всегда выступает *сяська*.

По-видимому, все перечисленные выше слова пришли из детской речи, о чем свидетельствует и типичная редупликация.

Примеры использования: *эрз. ожо цеця* ‘лютик едкий’; *мокш. туюя пря цеця* ‘одуванчик’; *мар. тегыт||чача* ‘смолянка малиновая’; *удм. лыз сяська* ‘василек’; коми зыр. *ва чача, ва чачӧ* ‘калужница болотная’, ‘кувшинка’; *коми перм. вӧз||чача* ‘василек’.

мокш. панчф является производным от основы *панӧ-* ‘открытый’, ‘открывать’ (*МКНЭС*: 56).

Пример использования: *сура панчф* ‘сурепка’.

мар. пеледыш, по-видимому, является производным от основы *пеле* ‘половина’.

Примеры использования: *вараксим||пеледыш* ‘гвоздика-травянка’, *ош||пеледыш* ‘ромашка белая’.

коми перм. туту

По-видимому, первоначальное значение слова — ‘игрушка’, и оно происходит из детской речи (налицо указывающая на это редупликация).

Пример использования: *беля туту* ‘ромашка белая’.

коми чвет < рус. цвет ‘цветок’; *коми чветка, цветки < рус. цветок* (форма род. падежа *цветка*)

Примеры использования: *коми зыр. яг||чвет* ‘грыжница’; *коми перм. виж чвет* ‘ромашка желтая’, *вӧз||чветка (лӧз||чветка)* ‘василек’, *веж||цветки* ‘ромашка желтая’.

11) лист

Этот детерминант относится к распространенным.

фин. lehti, *кар.* lehti, leht'i, *ижор.* lehti, *венс.* l'eht, l'ehtez, *эст.* leht, *вод.* lehto, *лив.* leed', lied, lieds (также *саам.* Норв. lās'tâ).

Ср. *мар.* лышташ 'лист'?

По мнению SKES (II: 284), прибалтийско-финским словам родственны марийское и саамские названия листа растения. В SSAP (II: 58) данная версия также является основной, однако под вопросом приводится и версия происхождения прибалтийско-финских слов из балтийских языков, ср. *лит.* lakštas, *латышск.* laksts 'лист'; также приводится версия Й. Койвулехто об их прагерманском происхождении, однако, реконструируемые автором версии прагерманские формы весьма сомнительны. Новейший из финно-угорских этимологических словарей — EES, в целом повторяет статью SSAP (с. 234), за исключением осторожного отнесения реконструкции Койвулехто к «индоевропейским».

Для прибалтийско-финского детерминанта наиболее вероятным мы считаем балтийское происхождение. При этом загадочным остается происхождение *мар.* лышташ; возможно, это также балтизм (в работе Дини П. У. «Балтийские языки»³ приводятся примеры предположительных балтизмов в марийском языке, например, *латышск.* tugaга 'спина', *мар.* могыр 'то же' и *удм.* мугор 'туловище'; *лит.* kaimas 'деревня', kaimunas 'сосед', *мар.* каим 'сосед').

Примеры использования: *фин.* hopea||lehti 'манжетка'; *кар.* твер. doroga||l'eht'i, *кар.* люд. dorog(u)||leht, dorogu||lehted, dorogu||lehtid 'подорожник'; *ижор.* mātška||lehti 'мать-мачеха'; *венс.* son' ||l'ehtez 'подорожник большой'; *эст.* hõbe||leht 'бегония', 'двукосточник тростниковый', 'лунник оживающий'; *вод.* maa||lehto 'подорожник'; *лив.* päärn||lieds 'калужница болотная'.

эрз., мокиш. лопа

Вероятно, слово заимствовано из балтийских языков, ср. *лит.* lapas 'лист'.

Примеры использования: *эрз.* каль лопа 'горец шероховатый'; *мокиш.* варьга лопа 'лопух лесной'.

коми кор, *удм.* куар

Слово имеет общепермское происхождение.

³Дини П. У. Балтийские языки. М., «ОГИ», 2002. 544 с. С. 175–176.

Примеры использования: *удм.* сыркубат||куар ‘будра’; *коми зыр.* шом||кор ‘щавель’.

коми перм. лист < *рус.*

Пример использования: шом||кор ‘щавель’.

12) корень

фин. juuri, *кар.* juuri, *вепс.* jur’, *эст.* juur, *лив.* jūr; не выступающие в качестве детерминанта: *ижор.* juuri, *вод.* juuri, *морд.* юр ‘корень’

По существующим представлениям, это слово имеет финно-пермское происхождение (ср. *коми юр* ‘голова’).

Примеры использования: *фин.* räkä||juuri ‘окопник лекарственный’; *кар. собств.* imalduma(n)||juuri ‘папоротник’; *ижор. вепс.* umbez||jur’ ‘рогоз’; *эст.* sea||juur, sea||juured ‘горичник болотный’, ‘козелец приземистый’, ‘одуванчик’, ‘хвощ полевой’; *лив.* koudõb||jūr ‘горец перечный’.

эрз. корен < *рус.* корень

Пример использования: ламбамо корен ‘солодка’.

13) стручок

эст. kaun

Ср. *фин.* kauna ‘мякина’, ‘отруби’, ‘шелуха’ и др. (EES: 137; приведенное в источнике карельское соответствие сомнительно).

Пример использования: ussi||kaunad ‘купена душистая’, ‘чина весенняя’.

фин. palko, *кар.* palgo; не выступающие в качестве детерминанта: *ижор.* palgo, *вепс.* paug, poug

Слово имеет германское происхождение, ср. *гот.* balgs ‘кожаный мешок’ (SSAP).

Примеры использования: *фин.* hiiren||palko ‘мышинный горошек’, ‘чина луговая’; *кар. ливв.* hiiren||palgo ‘мышинный горошек’.

14) верхушка

Данный детерминант обычно выражен существительным со значением ‘голова’. В большинстве финно-угорских языков они также обладают значениями ‘верхушка’, ‘верхняя часть’ (напр., *фин.* rää, *эрз.* пря, *коми юр*). Ср. также определяемый компонент русских диалектных названий некоторых грибов -||головик: красноголовик, черноголовик. Кроме того, может использоваться и сло-

во с основным значением ‘верхушка’, ‘верхняя часть’ (напр., *фин. latva*).

Примеры использования: *фин. musta||pää, musta||piä* ‘пушица’, ‘timoфеевка альпийская’; *кар. собств. mušta||piä* ‘рогоз’; *ижор. puna||pää* ‘подосиновик’; *венс. must||pä* ‘подберезовик’; *эст. must||pea, must||pead, must||pää, must||pea||hein, must||pea||rohi, must||pee||rohud* ‘осока высокая’, ‘ожика волосистая’, ‘пушица влагищная’, ‘сеслерия голубая’, ‘черноголовка’, ‘чернушка’; *эрз. ашо пря* ‘анис’, ‘клевер горный’, ‘ромашка’, ‘тысячелистник’; *коми зыр. го́на юр* ‘одуванчик’, ‘пушица болотная’.

С. Детерминанты грибов

Современная биология выводит грибы из состава растений, однако в отношении номинации грибы совершенно идентичны растениям. Опрошенные автором прибалтийско-финские информанты всегда уверенно относили грибы к растениям, руководствуясь при этом общими признаками: «растет из земли», «зимой не растет», «стоит на месте», «размножается, как растение», «его собирают, как ягоды». Именно в связи с этим миконимию как явление языка невозможно отделить от фитонимии, а миконимы рассматриваются нами вместе с названиями растений.

В финно-пермской народной миконимии распространено разделение грибов на пластинчатые и трубчатые. Тем не менее, дифференциация эта неполная, и почти всегда имеются исключения. Если требуется употребление общего детерминанта со значением ‘гриб’, то, по нашим наблюдениям, в этой роли чаще выступает детерминант со значением ‘пластинчатый гриб’. Это, по-видимому, может указывать на более ранний характер употребления в пищу пластинчатых грибов.

15) гриб вообще, пластинчатый гриб

фин. sieni, кар. sieni, šieni, ижор. sieni, sēni, sīni, венс. sen’, эст. seen, вод. seen, seeni, sīn, sīni, лив. seeņ

В этимологических работах это общеприбалтийско-финское слово сравнивается с рядом саамских, марийских и угорских слов, имеющих значения ‘трут’, ‘трутовик’ (см., например, в *SKES, КЭС-*

КЯ). Отсутствие соответствий в других родственных языках, как и некоторые фонетические трудности, делают эти сравнения сомнительными.

Примеры использования: фин. mesi||sieni ‘опенок’; кар. *собств.* kelta||šieni, kelda||šieni, kelda||sieni, кар. ливв. keldu||sieni ‘масленок’, ‘моховик’, ‘лисичка’; ижор. karva||s̄ini, kar va(s)||s̄eni ‘волнушка’; венс. kandon||sen ‘опенок’; эст. kärbse||seen ‘мухомор’; вод. kahtši||siini ‘волнушка’; лив. mie’t||seen ‘вид съедобного гриба’.

кар. griba, gribu, kripa, ижор. griba, krippoi, вод. griba, gr̄iba, эрз. гриба, грип, коми гриб < рус. гриб

В некоторых из указанных языков может относиться и к трубчатым грибам.

Примеры использования: кар. *собств.* kelda||kripa, кар. ливв. keldu||griba ‘масленок’; ижор. lampān||griba ‘подберезовик’; вод. kauniz||griba ‘подосиновик’; эрз. килей гриба, килей грип ‘подберезовик’, ‘трутовик’; коми перм. гӧрд||гриб ‘подосиновик’.

мокш. губа, удм. губи < рус. губы ‘грибы’

Сюда же, скорее всего, и коми гоб; утверждение, содержащееся в КЭСКЯ (с. 76–77), о невозможности заимствования рус. губы в пермские языки по фонетическим соображениям, по меньшей мере, странно. Высказанное там же предположение о заимствовании рус. губы из пермских языков ошибочно.

Попытки обосновать происхождение коми гоб, удм. губи из древнечувашского языка (< *k̄mp̄ä или *ḡmbä) сопровождаются весьма натянутыми фонетическими объяснениями.

Примеры использования: мокш. люкшя губа ‘свинуха’; удм. возь||губи ‘опенок луговой’; коми зыр. гӧрд гоб ‘подосиновик’; коми перм. чочком гоб ‘боровик’.

коми тшак

Др. значение — ‘трут’; ср. удм. чаккес, чакмыт ‘терпкий’, ‘вяжущий’, ‘безвкусный’, ‘суховатый’ (КЭСКЯ). В статье словаря под вопросом приводятся также обско-угорские соответствия. Рус. чага и, вероятно, кар. *собств.* чакка ‘чесотка’, ‘струп’, ‘проказа’ < коми.

Примеры использования: *коми зыр.* му тшак ‘боровик’; *коми перм.* мыр||дор||тшак ‘опенок’.

16) трубчатый гриб

ижор. obokka, *венс.* babuk, obatk, *вод.* obahka, obakk, *мар.* папка, вапка < *рус.* обабок

Примеры использования: *ижор.* haap||obokka ‘подосиновик’; *венс.* so||babuk ‘подберезовик’; *вод.* kanto||obahka ‘опенок’, tšärpeizè||obakk ‘мухомор’; *мар.* шопке||папка ‘подосиновик’, пўнчы||вапка ‘масленок’.

фин. tatti, *кар.* tatti, *эст.* tatt

Относится только к трубчатым грибам. В отношении этимологии ср. *эст.* tatt ‘сопли’; таково же, по-видимому, и происхождение *венс.* tätük (t’ät’uk) ‘масленок’.

Примеры использования: *фин.* herkku||tatti ‘боровик’; *кар.* твер. voi||tatti ‘масленок’; *эст.* vene||tatt ‘подберезовик’.

эрз. панго, *мокш.* панга, *мар.* понго, вонго (Г. вонгы)

Согласно *UEW* (с. 355), этим словам родственны *хант.* pånk, paŋx, pəŋk ‘Fliegenpilz’, *манс.* pəŋk, pāŋx ‘то же’ (даны под вопросом). Происхождение всего гнезда индоевропейское, ср. *авест.* baŋha, bangha ‘название растения и его сока, а также наркотика, изготавливавшегося из него’, *лат.* fungus ‘гриб’.

?? *лив.* pākkaa ‘несъедобный гриб’ (также используется в качестве детерминанта миконимов).

Примеры использования: *эрз.* пиземе панго ‘гриб дождевик’; *мокш.* алаша панга ‘свинуха’; *мар.* ош||понго ‘белый гриб, боровик’.

17) шляпка (‘голова’, ‘верхушка’) — о данном детерминанте см. выше (14).

Название дрожжей (дрожжевого грибка) не осознается как миконим, и дрожжи в народном представлении лишены внешних свойств гриба. Их названия никак не связаны с обычными народными миконимами.

Использование детерминанта обусловлено не только потребностями классификации или специфическими условиями номинации. Большую роль здесь играют экстралингвистические факторы:

например, таковым может являться наличие или отсутствие (распространенность или нераспространенность) определенного класса растений или грибов в языковом ареале. В частности, по нашим наблюдениям, в норвежско-саамской (северно-саамской) фитонимии наиболее распространенным детерминантом является ‘мох’ (относится и к лишайникам), далее — в порядке убывания — ‘ягода’, ‘трава’ и некоторые другие. Такая картина дистрибуции детерминантов обусловлена конкретными природными условиями местности, потребностями хозяйства. Название растения, отсутствующего в языковом ареале, также не может стать детерминантом, и др.

Использование детерминанта в силу его классификационной роли никогда не является случайным, произвольным, в то время как определяющая часть сложного фитонима может свободно варьироваться и не нести никакого номинационного признака (например, название животного, человека).

Частотность употребления детерминанта более всего зависит от распространенности подвергаемых «народной классификации» растений в природе; так как преобладают травянистые, цветковые растения, то детерминанты со значениями ‘трава’ и ‘цветок’ образуют большинство.

Отличительной особенностью детерминантов является их способность к отпадению с образованием эллиптических форм; особенно часто это происходит в прибалтийско-финских языках. Наиболее известным примером является общее для этих языков отпадение детерминанта ‘дерево’ в названиях липы: *кар.* *n̄p̄'i*, *ижор.* *n̄p̄i*, *эст.* *n̄ip̄*, *вод.* *n̄ip̄i*, *вепс.* *n̄ip̄* имеют значение ‘лыко’, но при этом обозначают и липу. Это следствие выпадения детерминанта **pu(u)** ‘дерево’, ср. *фин.* *n̄ip̄i||p̄u* и *ижор.* *n̄ip̄i||p̄u* ‘липа’, букв. ‘лыковое дерево’ (из липы добывали лыко). Неясно, почему некоторые исследователи предполагают в этих случаях перенос наименования части растения на целое⁴, ведь во множестве случаев фиксируются как варианты фитонимов с детерминантом, так и без него, что ясно говорит о его отпадении.

⁴Напр.: *Коппалева Ю.Э. Финская народная лексика флоры. Петрозаводск, 2007. С. 123.*

В то же время среди названий растений попадаются и такие, в которых детерминант определенно называет не существующий в действительности объект, например, *эст. kukke||marja* ‘багульник болотный’⁵ (*Vilbaste*). Плоды багульника даже не напоминают ягоды своим внешним видом. В подобных случаях сразу возникает вопрос, адекватно ли собран фитонимический материал. Эстонское название *tedre||mari* ‘ягода тетерева’ относится к лапчатке, у которой нет ягод, однако в данном случае появление фитонима, по-видимому, является результатом действия народной этимологии — ср. похожие названия лапчатки прямостоящей *tedre||mara(a)n*, *tedre||marin*, в которых детерминант сам представляет собой название лапчатки.

По своему происхождению детерминанты, как и простые фитонимы, подразделяются на:

- 1) имеющие древнее происхождение (унаследованные от предшествующих языковых общностей);
- 2) заимствованные.

Заимствования, в свою очередь, могут относиться к различным историческим эпохам, то есть появляться в какой-либо древней языковой общности либо в самостоятельно развивающемся языке, зафиксированном в современную эпоху.

К древним детерминантам относятся, например, *фин. juuri* ‘корень’, *sieni* ‘гриб’, *puu* ‘дерево’, *putki* ‘дудчатый стебель’ (соответствия в большинстве родственных языков).

Заимствованные детерминанты более многочисленны; русское происхождение имеют, например, *кар., ижор. griba*, *коми ягӧд*; к балтийским по происхождению детерминантам относятся *фин. heinä* ‘трава’ (ср. *лит. šienas* ‘то же’) и, по-видимому, *эст. lill(e)* ‘цветок’, ср. *лит. lėlė* и *латышск. lelle* ‘кукла’ (цветок и игрушка в ряде языков обозначается одним и тем же словом); к тюркским — *удм. и коми чача* (ср. *чув. čăčäk, čăčă, тат. čăčäk* ‘то же’).

⁵*Vilbaste G. Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised, nr. 20 (67). Tallinn, 1993. 708 lk.*

Образование сложных названий растений с участием детерминантов особенно характерно для некоторых языков, являющихся для финно-пермской ветви контактными: германских и тюркских. В немецком и татарском языках большинство названий растений, в т. ч. вошедших в национальные номенклатуры, образовано именно таким способом, напр., *нем.* **Roggen**||*blume* ‘василек’, *тат.* **башмак чэчэк** ‘льнянка’.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

авест. — авестийский, *балт.* — балтийские языки, *болг.* — болгарский, *венг.* — венгерский, *вепс.* — вепсский, *вод.* — водский, *гот.* — готский, *греч.* — греческий, *др.-герм.* — древнегерманский, *др.-тюрк.* — древнетюркский, *ижор.* — ижорский, *камас.* — камасинский, *кар.* — карельские наречия (*ливв.* — ливвиковское, *люд.* — людиковское карельское наречие, *собств.* — собственно-карельское, *кар.твер.* — тверские говоры собственно-карельского наречия), *койб.* — койбальский, *лат.* — латинский, *латышск.* — латышский, *лив.* — ливский, *лит.* — литовский, *манс.* — мансийский, *мар.* — марийский (*Г.* — горномарийский), *матор.* — маторский, *мокш.* — мокшанский, *морд.* — мордовские языки, *нем.* — немецкий, *нен.* — ненецкий, *польск.* — польский, *приб.-фин.* — прибалтийско-финский праязык, *прус.* — прусский, *рус.* — русский, *саам.* — саамский (*Кильд.* — кильдинское наречие, *Норв.* — норвежско-саамский), *санскр.* — санскрит, *сельк.* — селькупский, *слав.* — славянские, *тат.* — татарский, *тур.* — турецкий, *удм.* — удмуртский, *уральск.* — уральский праязык, *фин.* — финский, *финно-угорск.* — финно-угорский праязык; *хант.* — хантыйский, *чув.* — чувашский, *шв.* — шведский, *эн.* — энецкий, *эрз.* — эрзянский, *эст.* — эстонский (*юж.-эст.* — южноэстонское наречие)

СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

КЭСКЯ — Краткий этимологический словарь коми языка. М., «Наука», 1970. 388 с.

МКНЭС — Келин М. А., Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Мокшень кялень нюръхкяня этимологический словарь. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1981. 92 с.

ЭВ — Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс. Саранск, 1998. — 240 с. ISBN 5-7595-1042-8

ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. — Москва, 2003

EES — Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012. 792 lk.

EKET – Raun A. Eesti keele etümoloogiline teatmik. Rooma – Toronto, «Maarjamaa», 1992. – XV + 222 lk. ISBN-10 0919635008

IS – Inkeröismurteiden sanakirja. Toim. Nirvi R. E. LSFu 18. Helsinki, 1958

MW – H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. LSFU. B. I–V. Helsinki, 1990. 2703 s. ISBN-10: 9519403523, ISBN-13: 9789519403526

SKES – Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A.J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981 (I–VII)

SSAP – Suomen sanojen alkuperä. I–III. I – Helsinki, 1992. 486 s., II – Helsinki, 1995, 470 s., III – Helsinki, 2000. – 503 s.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991.